

18+

Ирина АРТАМОНОВА

ЗИГЗАГИ ЖИЗНИ

ПРОЗА XXI ВЕКА

ИП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"
МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Ирина Артамонова

Зигзаги жизни. Проза XXI века

«Издательские решения»

Артамонова И.

Зигзаги жизни. Проза XXI века / И. Артамонова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-79-490816-9

«ЗИГЗАГИ ЖИЗНИ» — сборник автобиографической прозы удивительной женщины, чьё детство пришлось на годы Великой Отечественной войны. Вы узнаете всю правду о том, как ждали и встречали День Победы, о судьбах людей, прошедших немецкие и советские лагеря, о ликвидации «слишком много знавших», а самое главное — о настоящей любви и дружбе, чтобы понять: каждая жизнь — уникальна и прекрасна, если человек принимает её уроки с благодарностью и не отравляет себя негативными мыслями, претензиями и завистью.

ISBN 978-5-79-490816-9

© Артамонова И.
© Издательские решения

Содержание

ЗИГЗАГИ ЖИЗНИ	6
СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО	6
Первые воспоминания	6
Предвоенная Москва	7
Начало войны	9
Свердловск	11
Челябинск	14
Боровск	17
Абезь	20
День Победы! Москва	26
Абезь-2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Зигзаги жизни Проза XXI века

Ирина Артамонова

НП «Литературная Республика»

Благодарности:

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

Директор издательства: Бояринова О.В.

Руководитель проекта: Крючкова А.А.

Редактор: Петрушин В.П.

Вёрстка: Измайлова Т.И.

Обложка: Крушинина В.А.

Книга издаётся в авторской редакции

Возрастной ценз 18+

Печать осуществляется по требованию

Шрифт Serif Ingenuе 11

ISBN 978-5-7949-0816-9

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

Издательство

Московской городской организации

Союза писателей России

121069

Россия, Москва

ул. Б. Никитская, дом 50А/5

2-ой этаж, каб. 4

В данной серии издаются книги

авторов, пишущих на русском языке

в XXI веке

Электронная почта: litress@mail.ru

Тел.: + 7 (495) 691-94-51

© Ирина Артамонова, 2022

ISBN 978-5-7949-0816-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗИГЗАГИ ЖИЗНИ

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

Первые воспоминания

Родилась я осенью 1936 года в городе Чита. Моя мама, коренная москвичка, в 1932 году после окончания московского медицинского института по распределению поехала на три года работать в Читу. Там она вышла замуж за «красного командира на белом коне». У папы от первого брака был сын, Рудик, который жил в Свердловске (теперь Екатеринбург) у бабушки, папиной мамы Дарьи Фёдоровны. Когда мои родители поженились, ребёнка забрали в семью.

В августе 1938-го года папа поступил в Военно-Политическую Академию им. Ленина, а в июне 1940-го окончил её. Пока папа учился в Академии, он жил в общежитии курсантов. Мы все – мама, бабушка Фрося (мамина мама), Рудик и я – жили в военном городке «Вла-сиха» рядом со станцией Перхушково (поезд от Белорусского вокзала). Мама работала врачом в медсанчасти. У нас была комната в коммунальной квартире, хозяйство вела бабушка.

Первое, что я ясно помню – это день моего рождения осенью 1939-го года. В конце октября мне исполнилось три года. Скорей всего, я помню не сам день рождения, а ближайший выходной день. Папа приехать в этот день не смог. Курс в Академии был ускоренный – всего два года, заниматься приходилось очень много и не всегда слушателей по выходным отпускали в увольнение. Папа приезжал редко, и я его в те годы плохо помню.

Поздравить меня с днём рождения приехал мамин брат – мой любимый дядя Боря. У него ещё не было своих детей, я была его первой племянницей, и он потом всю жизнь меня очень любил. Очевидно, мы посидели за столом, пообедали, а потом отправились на прогулку в лес – мама, я, Рудик и дядя Боря.

Я гордо ехала верхом на шее дяди Бори. Он был высокий мужчина, за 180 см. Интересно, у моей маленького роста бабушки Фроси, сын вырос высоким (пошёл в отца), а все три дочери были в мать, маленькими. С высоты я всё хорошо видела. Ночью выпал первый снег и лежал на земле сплошным тонким слоем. Из-под снега выглядывали густой зелёной щёткой травинки. Мне это очень понравилось. Я попросила дядю Борю опустить меня на этот белый снег и долго бегала вокруг, оставляя на снегу следы своих маленьких валенок с галошами.

Зиму 1939—40 гг. я почти не помню. Кажется, я простудилась, болела, лежала в кровати, и мама капала мне в нос противные капли. Как-то в квартиру пришли строгие тётки, ходили по всей квартире и к нам зашли. В руке у одной из них бала белая тряпочка, и она проводила этой тряпочкой по столу и другим предметам. Мама потом смеялась, говорила бабушке: «Делать им нечего, создали женсовет и ходят по квартирам, „чистоту“ проверяют. Шли бы лучше работать».

Хорошо помню весну сорокового года. Погода стояла солнечная, снег растаял, и мы с бабушкой каждый день ходили гулять в лес. Сначала шли по тропочке через поле, я скакала вприпрыжку впереди, бабушка еле успевала за мной. Опушка леса была не ровной – небольшие бугорки, а за ними ямки. Сейчас я думаю, что там было старое учебное стрельбище, ведь всё происходило на территории военного городка. На дне ямок поблескивала прозрачная водичка. Мне очень хотелось спуститься в ямку и потопать по воде, чтобы летели брызги, но бабушка мне этого не разрешала. А потом водичка высохла, и ямки стали зарастать травой.

За бугорками и ямками начинался молодой березняк. На веточках тонких высоких берёзок и редких низких кустиков проклюнулись маленькие зелёные листочки. На ощупь листочки

были клейкие, ароматные и чуть горьковатые на вкус – я украдкой клала их в рот, когда бабушка на меня не смотрела. Совсем маленькие листочки и не мешали солнышку освещать рощу до самой земли. Землю покрывала нежная молодая травка. На солнышке женщина пасла козу и малюсеньких козлят. Козлятки были такие хорошенькие, с мягкой белой шерсткой и чёрными глазками. Мне разрешали их гладить и даже обнимать. Козлята бегали, перебирая шустро тоненькими ножками, играли, бодались друг с другом, у них появились маленькие рожки. Мне очень хотелось взять, хотя бы одного козлёночка домой, чтобы с ним играть дома. Я просила бабушку купить козлёночка, но бабушка говорила, что они не продаются. Иногда, когда я утром капризничала и не хотела есть кашу, бабушка говорила: «Ешь скорей да пойдём в лес гулять, вдруг сегодня нам козлёночка продадут». Я успокаивалась, быстро доедала кашу и снова, весело подпрыгивая, бежала впереди бабушки по тропиночке к лесу. Но козлёночка мы так и не купили...

Подросла травка, зацвели цветочки, стали большими листья на кустах и деревьях... Однажды во время прогулки бабушка мне сказала: «Я скоро от тебя уеду далеко, на Дальний Восток. Надо помочь младшей дочке – она ждёт второго ребёночка. У тебя будет нянька Галя». Я задумалась: как это, ждёт ребёночка, откуда он возьмётся? Но тут же отвлеклась и погналась за бабочкой.

Жилой посёлок военного городка, в котором жили командиры (тогда не использовалось слово офицер) с семьями и обслуживающий персонал, состоял из небольших, кажется, двухэтажных, домов. Территория была ухоженной – газоны, цветочные клумбы, чистые дорожки и скамейки радовали глаз. Вечерами мы с мамой гуляли на территории городка. Во время одной из прогулок произошёл забавный случай. Мама и её приятельница присели на скамейку и увлеклись разговором. Мы, их дочери-ровесницы, бегали и играли поблизости. У самой дорожки на траве мы с подружкой вдруг заметили симпатичную кучку маленьких, округлых чёрных, блестящих камешков, как нам показалось, чем-то напоминающих конфетки. Мы обе одновременно протянули свои озорные ручки и схватили эти «камешки», которые оказались мягкими на ощупь и липли к ладоням. Пока я думала, что это такое и как его можно использовать в игре, подружка моя засунула свою добычу в рот и тут же громко заорала. Мамы наши всполошились и подбежали к нам. Мама охнула и поволокла меня мыть руки, а вот как её приятельница выгребала изо рта своей дочки козьи катышки, я не видела. Мама поругала меня, сказала, что нельзя всякую гадость хватать с земли, но и порадовалась, что я не засунула это в рот.

Предвоенная Москва

После окончания академии с отличием, папу направили служить в политотдел Кремля и назначили начальником этого отдела. У папы был очень солидный кабинет (есть фотографии), а на петлицах – соответствующее количество шпал. Папе дали квартиру в 10-ти этажном кремлёвском доме в Новоспасском переулке.

Переезжали мы в середине лета. Приехала большая, крытая грузовая машина, в неё погрузили наши вещи. Нам помогали грузчики. В те времена у людей, как правило, было немного мебели – кровати (железные), один шкаф для одежды, обеденный стол, несколько стульев. Мы с мамой устроились в кабине, остальные, в том числе и папа, – в кузове. Я сидела у мамы на коленях и смотрела в окно. Было очень интересно. За окном мелькали поля и леса, деревни и города, пруды и маленькие речки. Я в первый раз так далеко ехала на машине. (Наверное, всё-таки не впервые, но я этого не помню).

Новая квартира состояла из 4-х комнат. Три комнаты занимала наша семья; в двух больших смежных жили я, Рудик и мама с папой, в самой маленькой (10—12 кв. м) жила домработница, она же моя няня Галя, молоденькая (лет 16-ти) симпатичная девушка из деревни.

В четвёртой комнате жил совершенно чужой человек, совсем молодой военный. Кто он был, просто сосед: охранник или соглядатай? Тогда я об этом не задумывалась.

Наш десятиэтажный дом стоял в глубине двора. Выйдя из подъезда, надо было пересечь двор, пройти под аркой другого дома, чтобы оказаться на Новоспасской набережной Москвы реки. Река мне тогда казалась огромной. В доме был лифт и мусоропровод. В ванной комнате над ванной висела газовая колонка для нагревания воды. В квартире был телефон.

Лето 1940-го года прошло незаметно. 1-го сентября Рудик пошёл в первый класс, я помню, как все суетились, когда собирали его в школу. Рудик был такой нарядный, гордый, красивый... Я ему завидовала – мне тоже хотелось в школу.

После переезда в Москву, папа уговорил маму не устраиваться на работу, заняться детьми и домом и немного отдохнуть. Но без работы мама выдержала месяца два, не больше. Она была очень энергичным человеком. Ей казалась скучной такая жизнь. Рудик ходил в школу, большую часть домашних дел выполняла домработница (она же моя нянька). У мамы была возможность вызвать папину персональную машину с водителем и поехать в магазин или в парикмахерскую. Но, ведь каждый день этого не надо. А папа все дни, кроме выходного, много работал, часто приходил с работы поздно, так-как по вечерам проводились длинные совещания. В конце концов, папа согласился, что маме лучше устроиться на работу. Мама устроилась в ближайшую поликлинику детским участковым врачом. Домработницу Галю устроили в вечернюю школу. Днём она со мной гуляла, готовила обед, делала уборку, а вечером, когда мама возвращалась с работы, ходила в школу.

Примерно в середине декабря в Москве появились первые мандарины. Их продавали на улице с небольших лотков или прямо из ящиков поштучно. Каждый мандаринчик был завернут в очень тонкую (папиросную) бумагу. На улице пахло снегом и мандаринами. Мама каждый день, возвращаясь с работы, покупала и приносила домой мандарины, они были такими вкусными...

За несколько дней до Нового Года к нам приехали гости. Муж маминой младшей сестры Шуры, я его звала дядя Лаврентий, военный инженер-строитель получил новое назначение на службу. Семья ехала через Москву, и они на несколько дней поселились у нас. Бабушки с ними не было. Она, очевидно, остановилась в своей комнате на Большой Якиманке. Там в то время жил с семьёй дядя Боря. У них уже родился сын Володя. У тёти Шуры было уже двое детей – двухлетний сын Валера и дочка Галя, совсем маленькая, которая всё время лежала в кроватке (мою кровать заняла), или её носили на руках. Валера оказался интересным, любознательным мальчиком. Он важно расхаживал по квартире, всем интересовался, спрашивал, что это, зачем это. Ещё Валера часто спрашивал моего папу: «Саса, ты дуг?» (Саша, ты друг?), а папа отвечал: «Друг, друг».

Помню новогоднюю ёлку в Кремле для детей сотрудников, куда мы ходили с папой и с Рудиком. В огромном высоком зале стояла большая лесная красавица, украшенная игрушками и разноцветными лампочками. Высокий, нарядный Дед Мороз и красивая Снегурочка водили с детьми хороводы, играли в разные игры. По залу бегали одетые в костюмы зверей люди – зайцы со смешными хвостиками, добрые волки и лисички, медведи разного роста и помогали Деду Морозу и Снегурочке организовывать игры. Мне очень хотелось кого-нибудь из зверей, особенно зайчиков, подёргать за хвост, но я постеснялась. Было очень весело и интересно. Больше всего мне понравилась избушка на курьих ножках, которая каким-то образом передвигалась по залу. В избушке сидела и выглядывала в окно лохматая и зубастая, но совсем не страшная баба Яга, махала детям рукой и что-то говорила.

Кажется, именно на Новый год, кроме других подарков, уж не помню, что это было, мне подарили маленькую, детскую щётку для подметания пола. Я помню, что эта щётка мне очень нравилась, и я с удовольствием подметала пол вместе с Галей.

Как-то зимой мы с мамой ездили в гости к её подруге Лёле, с которой они вместе учились в институте и вместе поехали по распределению работать в Читу. Отработав три года в Чите, Лёля вернулась в Москву и вышла замуж за Сашу (Александра Фёдоровича) Лунёва, их общего приятеля из молодёжной компании, которая образовалась ещё в период учёбы на подготовительных курсах. Кстати, они дружили практически до конца жизни, встречались, время от времени, кто чаще, кто реже. Дядя Саша, я его звала так, занимался проблемами физической химии и учился в это время в очной аспирантуре Академии Наук. У Лёли и Саши подрастал сын Олег – он был старше меня на полтора месяца. Не помню, младшая их дочь Ольга уже родилась, или тётя Лёля её только ждала. То, что Ольга родилась в конце 1940-го года или в первой половине 41-го (до войны), я знаю точно. Семья жила в аспирантском общежитии Академии Наук. Они занимали довольно большую комнату, дверь которой выходила в длинный коридор. По этому коридору мы с Олегом бегали и катались по очереди на трёхколёсном велосипеде. Нам было очень весело, мы шумели. Кто-то из взрослых выходил изредка из комнаты и старался нас утихомирить. Мы ненадолго затихали, а потом опять начинали громко выражать свои положительные эмоции.

В один прекрасный воскресный, солнечный весенний день 1941-го года, когда было уже совсем тепло, мы всей семьёй ходили в магазин «Детский мир» на Таганке, не далеко от нашего дома. Мне купили новую куклу и игрушечную, довольно большую, коляску для куклы. Очевидно, Рудику тоже купили какие-то игрушки и, наверное, нам обоим накупили летние обновы. Мы шли по широкому, освещённому солнцем мосту через Москву реку. Воды реки отражали солнечный свет, и блики-зайчики слепили глаза. Я шагала впереди всех и гордо катила перед собой коляску с куклой. До сих пор помню моё ощущение абсолютно безмятежного, безоблачного счастья, которое я тогда испытывала. Примерно такое же ощущение счастья я испытала в какой-то другой, тоже солнечный весенний, выходной день.

Тогда я проснулась от звуков заливистого маминого смеха, встала с постели и вышла из спальни. Папа, большой и сильный, до пояса голый и с полотенцем на шее, каким-то образом крутил в своих руках мою невысокую стройненькую маму, то перевёртывая её вниз головой, то ставя на ноги. Мама заливалась смехом. Я тоже засмеялась. Папа услышал мой смех, подхватил одной рукой маму, другой рукой меня и стал кружить нас по комнате, напевая весёлую песенку...

В начале июня приехали из Свердловска Дарья Фёдоровна, папина мама, с семьёй своей дочки, папиной сестры, Вали. Дарья Фёдоровна остановилась у нас, а тётя Валя с мужем и грудной дочкой где-то в другом месте. Они только приходили к нам в гости. Начало войны их застало в Москве.

Начало войны

Я не помню дня начала войны, так как лежала в это время в Боткинской больнице. Заболела я дифтерией совсем незадолго до начала войны. У меня неожиданно сильно разболелось горло, поднялась высокая температура. Мама обнаружила в моём горле характерный налёт, она вызвала врача, врач подтвердил диагноз. Мама очень разволновалась. Пока ждали приезда скорой, чтобы везти меня в больницу, мне сделали какой-то укол в ногу (тогда уколы делали в бедро, а не выше) и к месту укола приложили ватку с йодом. Мама забыла эту ватку вовремя убрать и на моей ноге образовался химический ожёг, который в больнице мне потом долго лечили синей лампой. Очень переживала мама, как она потом рассказывала, считала, что сама принесла в дом инфекцию, так как буквально за несколько дней до этого диагностировала случай дифтерии на вызове к больному ребёнку.

Палаты в инфекционном отделении были большие, человек на 10—12, а может и больше. Лежали в палатах и дети, и взрослые женщины. Я болела тяжело, капризничала, не хотела

есть, звала маму. В инфекционное отделение посетителей не пускали, мне маму показывали только в окошко – медсестра брала меня на руки и подносила к окну. Мама была далеко внизу и махала мне рукой, а медсестра уговаривала меня при этом что-нибудь съесть или попить виноградного соку, который принесла мама – она говорила: «Ну, давай покажем маме, какая ты молодец, попей соку (или – съешь яблочко)». А мне ничего не хотелось...

Помню, как под вой сирен нас на кроватях завозили в лифт и спускали в бомбоубежище. Очевидно, вначале были учебные тревоги.

Я пролежала в больнице сорок дней. Выписали меня во второй половине июля с осложнением на сердце и небольшим параличом левой ноги. Папа почти всё время был на работе, там и ночевал, только изредка забегал к нам. Мама увезла нас всех – меня, Рудика, бабушку Дарью в пионерлагерь, она там работала врачом. Опять выли сирены, и мы с бабушкой прятались в земляную щель, которую вырыли около столовой. Через какое-то время детей разобрали родители, лагерь закрыли, и мы вернулись в Москву.

На окнах в квартире появились кресты из бумажных полос. Почти каждую ночь выли сирены, и надо было бежать в бомбоубежище. Мама хватала меня на руки (я не могла быстро бегать после болезни), Рудика за руку и выбегала из квартиры. За нами бежала бабушка Дарья. У бабушки при этом, наверное, от страха, случались приступы медвежьей болезни, и она вынуждена была на некоторое время возвращаться в квартиру. Домработницу Галю я в это время не помню, может быть, её мобилизовали на рытьё окопов, как многих других молодых людей. В бомбоубежище было страшно, душно и тесно.

Жить в Москве становилось опасно. Разбомбили корпус Боткинской больницы, в котором я недавно лежала. Папа решил отправить нас в Свердловск.

От Москвы до Свердловска мы ехали долго, больше недели. Нас было шестеро: я, мама, Рудик, бабушка Дарья, тётя Валя с грудной дочкой, и мы все занимали три полки в переполненном плацкартном вагоне – нижнюю, верхнюю и багажную. На нижней полке спала бабушка с внучкой, на верхней полке спали мы с мамой, а на багажной – тётя Валя и Рудик. Поезда шли не по расписанию. Железная дорога была перегружена составами, которые шли на фронт (солдаты, военная техника) и с фронта с ранеными. Да ещё частые воздушные тревоги в первые дни пути. Иногда часами где-то стояли, иногда долго ехали без остановок или останавливались всего на несколько минут.

Кипятка в вагоне не было, надо было на больших станциях бегать с чайником за кипятком. Взятые в дорогу продукты тоже заканчивались – кое-что втридорога мама покупала на остановках. Не всегда объявляли, сколько будет стоять поезд на данной станции, и была опасность отстать от поезда, что в тех условиях грозило возникновением серьёзных проблем.

Однажды, не знаю на какой станции (это был город с большим вокзалом), мы с мамой пошли за кипятком. Благополучно отстояв очередь, мы уже подходили к своему вагону, когда поезд тронулся и медленно поехал. Мама подхватила меня одной рукой, в другой руке у ней был чайник с кипятком, и побежала. Кто-то помог маме схватиться за поручень, забраться на нижнюю ступеньку лестницы и подняться в вагон, предварительно забрав из её рук меня. Всё произошло очень быстро, я даже не успела сильно испугаться...

Но для мамы это не прошло бесследно. Пока всё происходило, из носика чайника на мамину ногу лился кипяток, а мама в горячке не чувствовала этого. Ожог на ноге был довольно сильным. Кроме того, все ноги у мамы были в синяках и ссадинах, и они долго болели, даже после приезда в Свердловск. За всеми дорожными проблемами, мама совсем забыла о моих больных ногах и, как потом она рассказывала, в Свердловске с удивлением обнаружила, что я перестала хромать.

Свердловск

В Свердловске мы поселились, как и планировалось, у бабушки Дарьи. Она имела дом в частном секторе города. Там же жила и Валя с дочкой. Дом был бревенчатый, одноэтажный, но довольно большой – всем хватило места. При доме имелся маленький участок, огороженный забором. Хорошо помню – я сижу на деревянном крыльечке, а бабушка рядом в большом корыте замачивает для засолки крупные грузди. На Урале грузди не варили, их несколько дней вымачивали в колодезной воде, меняя воду, а потом слоями укладывали в бочонки, пересыпая солью и пряными травами, закрывали деревянным кругом, на который клали большой камень, и спускали в погреб. Получалось вкусно.

У бабушки мы прожили недолго. Мама не поладила с властной свекровью. Дарье Фёдоровне мама не очень нравилась. Она говорила, опять же по маминым рассказам: «Какую некрасивую Саша нашёл себе жену – малая, худая, чернявая. То ли дело моя Валя красавица – большая, толстая, белая». А мама была очень хорошенькой, стройной, невысокой, смуглой шатеночкой с независимым характером, и папа её очень любил.

В это время мамина сестра Шура с семьёй и с бабушкой Фросей находились в Казани, там же жила и старшая мамина сестра Вера с семьёй. Мама решила ехать к ним. Она купила билеты и сообщила об этом папе, наверное, позвонила. Тогда домашних телефонов почти ни у кого не было, но в почтовых отделениях существовали переговорные пункты с кабинками, и можно было заказать разговор. Абонента на переговорный пункт в его городе вызывали срочной телеграммой. Так мама, наверное, связывалась и с Казанью. С папой было проще, в его кабинете был не один телефонный аппарат.

Мы – мама, Рудик и я, сидели на вокзале на чемоданах и ждали поезда на Казань, когда к нам подошёл молодой военный и спросил у мамы документы. Ознакомившись с документами, он сказал: «Поступило распоряжение из Кремля. Вам не надо ехать в Казань. Сейчас на машине вас отвезут в Шарташ, там приготовлена для вас летняя дача. Пока тепло, вы поживёте там, скоро вам выделят жилплощадь в городе со всеми удобствами». Он взял наши чемоданы и пошёл к машине, мы пошли за ним.

Маленький летний домик стоял почти на пляже озера Шарташ на территории пионерского лагеря. Последняя смена уже закончилась, и народу на территории было очень мало. Нам понравилась большая светлая комната с застеклённой терраской и отдельным входом через эту терраску. Погода стояла тёплая и солнечная. Ласково плескались маленькие волны огромного, очень красивого озера. Купаться нам с Рудиком мама не разрешала (сама-то, я думаю, вечером купалась), но я целыми днями бегала по пляжу, играла в чистый песочек. В этом уютном домике мы прожили, наверное, недели две.

В Свердловске нас поселили в коммунальной квартире на первом этаже кирпичного красного дома (в нем было четыре или пять этажей), в котором в то время жили, в основном, эвакуированные из Москвы семьи работников Кремля. Комната наша была не большая, но уютная. В комнате стояли две железные кровати (мне кажется, тогда все кровати были железные), на одной кровати спал Рудик, на другой, пошире – мы с мамой. У противоположной стены стоял обеденный квадратный стол, несколько стульев и шкаф для одежды. Между шкафом и столом на стене висела чёрная тарелка радиорепродуктора. По вечерам и утром мы слушали последние известия, сводки Информбюро о положении на фронте. В квартире, кроме нас с Рудиком, жили дети разного возраста, в том числе и мои ровесники. Мы подружились, играли вместе, ходили друг к другу в гости. В самой большой комнате, посреди комнаты, стоял круглый стол. За этим столом мы часто собирались по вечерам. Кто-нибудь из взрослых, или из старших детей, читал вслух детские книжки, бывало, мы занимались рисованием.

Мама в Свердловске не работала. Наверное, в переполненном людьми городе было сложно найти работу, но главное, надо было смотреть за детьми и кормить их. Рудик пошёл в школу, во второй класс, а вот о детском садике для меня и речи не шло. Нас прикрепили (и не только нас из нашего дома) к обкомовской столовой. Мы каждый день ходили туда обедать, довольно далеко пешком, зимой – по льду озера. На обед всегда был какой-то суп, второе и обязательно кисель. Этот кисель меня занимал, он был всегда разного цвета – розовый, красный, синий и даже зелёный, разных оттенков. Из чего его варили? Я однажды спросила об этом у мамы, она ответила: «Не знаю, ешь, что дают». Но надо было ещё завтракать и ужинать. Мама много времени тратила на приобретение продуктов питания. Часто рано утром, когда мы с Рудиком ещё спали, мама бегала на рынок. Ей порой удавалось купить там конину (говядины и в помине не было). Из конины мама делала котлеты и кормила ими нас – сама не ела, говорила, что не хочет.

Что такое домашний холодильник, тогда никто и не знал, продукты покупали понемногу и хранили их зимой между двойными оконными рамами. Накормив нас завтраком и проводив Рудика в школу, мама обычно убегала за хлебом и другими продуктами, которые давали по карточкам. Там всегда надо было отстоять длинную очередь. Я оставалась одна, правда в квартире всегда был кто-то из взрослых, кто присматривал за детьми, пока матери стоят в очередях. Возможно, женщины делали это по очереди. Мы не были голодными (грех жаловаться), но вкусенького было мало, а так хотелось. Иногда, когда маме удавалось купить на рынке белую булку и немного сливочного масла, мама баловала нас «пирожными» – кусок белого хлеба мазала маслом и посыпала сахарным песком. Это было так вкусно!

Где-то в середине осени, папа по телефону сказал маме, что в наш дом в Новоспасском переулке попала фугасная бомба и половина дома, где была наша квартира, превратилась в груды битого кирпича. Хорошо, что никто не пострадал, многие были в эвакуации, оставшиеся в бомбоубежище или на работе. Папа в то время жил в своём кабинете, домработница Галя, которая продолжала жить в нашей квартире, в этот вечер ушла в гости к подружке и там заночевала.

Когда разбирали завалы, доставали уцелевшие вещи и приглашали хозяев на их опознание. Папа узнал только наш персидский ковёр, который в 1938 году они с мамой привезли из Туркмении, и мою довоенную куклу с закрывающимися глазами. Как она осталась цела, просто чудо. Папа потом прислал этот ковёр и куклу посылкой в Свердловск. Где бы мы потом ни жили, этот ковёр всегда висел над диваном.

Я продала его только в 2005 году, когда переехала в новую квартиру из пятиэтажки. Ковёр был старый, по краям рваный, грязный, нести его в химчистку у меня не было сил. Я увидела объявление о скупке довоенных ковров, позвонила, подумала, ну дадут мне за него 1,5—2 тысячи рублей, и ладно. Приехал холёный мужчина средних лет, восточной внешности, посмотрел ковёр и сказал, что тот в плохом состоянии, требует серьёзной реставрации, и он не даст за него много. Я спросила – сколько? Он ответил мне: 2 000 рублей. Я согласилась. Расплатившись, мужчина схватил ковёр и, почти бегом унёс! Видно, ковёр стоил дороже, и покупатель боялся, что я передумаю. А с куклой я очень долго играла. Не помню, куда она потом девалась, когда я подросла. Наверное, кому-нибудь отдала.

Я росла девочкой смышленной, любила рисовать, слушать, когда мне читают книжки, знала много стихов наизусть и с удовольствием их декламировала. Но вот беда – я долго не выговаривала букву «р». Перед самой войной я, наконец, научилась говорить эту букву и рычать «рррр», мне это так понравилось, что я часто и вместо «л» стала говорить «р». Мама билась, билась над тем, чтобы я правильно говорила, но у неё ничего не выходило – я «рычала».

Помог смешной случай. Папа иногда присылал нам небольшие продуктовые посылки. У него был хороший, по тем временам, паёк, и он, наверное, сладости и что повкусней сам не ел, а присылал нам. Однажды в посылке было несколько больших шоколадных конфет. Я уж

и вкус их забыла. Мама дала нам с Рудиком по конфетке. Рудик конфету сразу засунул в рот, а я, растягивая удовольствие и откусывая по маленькому кусочку, вышла в коридор.

Соседи увидели меня с конфетой, и кто-то спросил: «Ира, откуда у тебя такая хорошая конфета?» Я гордо и громко ответила: «Папа прислал!» Но в слове «прислал», я вместо «л» выдала раскатистое «р». Как же надо мной смеялись, повторяя на разные лады: «Надо же какой у тебя папа, как он умеет...» Я со слезами убежала в свою комнату, но тех пор никогда уже не путала эти две буквы и говорила так, как надо.

Шла война. По вечерам с замиранием сердца слушали по радио последние известия, женщины часто плакали, а мальчишки во дворе бесконечно играли в войну. В нашем доме было много детей разного возраста. В большой тихий двор детей выпускали гулять одних. И меня мама стала отпускать гулять, когда была дома и занималась готовкой, стиркой или другими хозяйственными делами, которые требовали довольно много времени. А во дворе порой шли «военные сражения». Мальчишки кидались камнями, кусками каменного угля, сражались на саблях, которые делали из железных обручей от бочек. Часто они травмировали друг друга довольно серьёзно, а уж на синяки и шишки никто не обращал внимания. Не миновали травмы и нас с Рудиком.

Однажды я возвращалась с прогулки и уже подошла к входной двери в подъезд, когда меня кто-то окликнул из подружек. Я повернулась спиной к двери, и в этот момент мне в голову случайно попал, очевидно, очень острый кусок каменного угля, который пробил шапку и голову выше лба, повредив, как оказалось, большой сосуд. Я заорала от боли, по моему лицу потекло что-то липкое, я закрыла лицо руками. Мама выскочила из двери, схватила меня на руки. Всё лицо и руки у меня были в крови.

Мама очень испугалась, целы ли глаза. Когда мама дома сняла с меня шапку, вытерла кровь, она обнаружила маленькую, но глубокую ранку, из которой, пульсируя, текла кровь. Чтобы остановить кровь и обработать рану, маме пришлось выстричь вокруг волосы. Я до вечера лежала, а потом несколько дней ходила с забинтованной головой.

Рудику во время одного сражения не без его участия железной саблей кто-то угодил по переносице. Помню, как его принесли на руках всего в крови. Мама обработала рану, остановила кровь. Рудик несколько дней не ходил в школу, лежал. На его точёном прямом носике на всю жизнь осталась интересная горбинка. Это была первая, но не последняя травма носа у Рудика. В подростковом и юношеском возрасте он много занимался спортом, и лёгкой атлетикой, и боксом, и самбо, и его носу часто доставалось. Однако всё это не мешало ему всю жизнь оставаться очень красивым.

С бабушкой Дарьей и Валентиной мы практически не виделись. Как-то зимой самая старшая папина сестра Серафима пригласила нас в гости, кажется, это был её день рождения. Там, конечно, были все – и Дарья Фёдоровна, и Валя, и самая младшая сестра папы – Зоя. Зоя мне понравилась, она была молодая, красивая и приветливая. Ещё там был муж тёти Симы, не помню, как его звали, и их двенадцатилетняя дочка Вера. Она казалась мне тогда совсем взрослой. Вера не проявила никакого интереса к такой мелюзге, как я, хотя мне хотелось с ней поговорить. С Рудиком Вера немного пообщалась. Мою двоюродную сестру Веру я видела один раз в жизни – тогда.

Папа, как и большинство мужчин, просился на фронт, писал заявления, но его не пускали. В мамином архиве сохранилось одно такое заявление с размашистой резолюцией Сталина – отказать! В конце весны 1942-го года, вместо фронта, папу направили в Челябинск, заместителем начальника Политотдела строительства большого порохового завода. Он приехал за нами на легковой машине, и мы, собрав свои скромные вещички, поехали в Челябинск. Ехали мы долго. Я сидела у мамы на коленях и смотрела в окно.

Челябинск

В Челябинске, в центральной части города нас ждала просторная двухкомнатная квартира в многоэтажном доме. Очевидно, дом имел пять этажей, так как лифта в нём не было. Хотя, может быть, дом был выше и лифт в нём был, но не работал. По лестнице всегда ходили пешком. Квартира была обставлена простой казённой мебелью: железные кровати, несколько тумбочек, шкаф для одежды, книжный шкаф, большой обеденный стол и диван, обтянутый чёрным дерматином. Кажется, было два балкона – на кухне (точно был) и в большой проходной комнате. В доме имелся водопровод и канализация, паровое отопление, которое до нового года не работало, в квартире – туалет и кладовка.

К нам вернулась бабушка Фрося, а мама устроилась работать в ближайшую поликлинику участковым врачом. Рудик осенью пошёл в третий класс. Что касается питания, то, как говорится, ничего лишнего, но всё необходимое было. На каждого ежемесячно выдавали продовольственные карточки, маме – рабочую, мне и Рудику – детские, бабушке – иждивенческую, а у папы был спецпаёк. Из подсобного хозяйства строительства время от времени нам привозили овощи. Беда в другом – у нас было очень мало посуды, в эвакуацию взяли минимум, всё остальное осталось в московской квартире, в доме, который разбомбили. Купить необходимое негде – война. Папа с утра до ночи работал, и его хозяйственными делами старались не обременять.

На рынке посуду не продавали, только меняли на продукты питания, в основном на хлеб. Бабушка, втайне от папы, но с согласия мамы, ходила на рынок, когда удавалось сэкономить буханку хлеба, и меняла на посуду. Постепенно, кое-что у нас появлялось, только не удавалось приобрести бидон и нормальные кастрюли. Суп варили в чайнике. Потом чайник мыли и кипятили воду для чая.

Однажды бабушка попала в одну из облав, которые довольно часто на рынках проводила милиция. Бабушку арестовали, отвели в отделение и стали допрашивать: где она украла буханку хлеба? Бабушка говорила, что это часть семейного пайка, дочка работает в больнице, получает рабочую карточку. «Ваша дочка крадет у больных хлеб! – закричали на неё. – Сейчас мы её арестуем!» Бабушка совсем перепугалась и сказала, кто у неё зять. Куда-то позвонили и отпустили бабушку, отобрав буханку хлеба. Бабушка вернулась домой сама не своя.

Вечером с работы папа вернулся сердитый и строго, не повышая голоса, потребовал от мамы и бабушки, чтобы такой самостоятельности больше не было, и они его не позорили. Кстати, я никогда не слышала, чтобы дома, в семье, папа разговаривал с кем-то на повышенных тонах или использовал грубые слова. Он был доброжелательным, спокойным и весёлым человеком, но, когда считал нужным, умел быть строгим. Через несколько дней нам привезли трёхлитровый бидон и три кастрюли (на семь литров, четыре и на два литра), сделанные из нержавеющей стали. Всё это очень долго служило нашей семье. Средняя кастрюля ежедневно использовалась и лет через двадцать все-таки прохудилась. Бидон висит в кухне на дочкиной даче, иногда им пользуемся, а самая большая кастрюля до сих пор служит – мы на даче греем в ней воду на плите, когда надо много горячей воды, и варим грибы после походов в лес.

Война шла далеко. В Челябинске не было воздушных тревог и, тем более, бомбёжек. Но город жил трудной жизнью. Все напряжённо слушали последние известия по радио, переживали. Были очереди за хлебом и другими продуктами, которыми отоваривали карточки. В октябре не включили паровое отопление, обещали затопить через месяц-полтора. Зима началась с сильных морозов. Кухня у нас была большая с кухонной плитой, которая топилась дровами. Нам сделали в кухне двухъярусные кровати, мы с бабушкой спали внизу, а Рудик – на «втором этаже». Папе привезли самодельный электрический обогреватель – асбестовая труба на ножках, обмотанная спиралью (как на электроплитке). Папа с мамой спали в спальне

и на ночь включали это чудовище, которое на день прятали под кровать и чем-то ещё прикрывали, так как пользоваться в квартирах электрообогревателями категорически запрещалось, и бывали проверки. В большой комнате температура воздуха опускалась порой ниже нуля... Я, одевшись как на улицу, ходила туда днём гулять – меня одну ещё во двор гулять не пускали, а бабушке гулять со мной было некогда. Ещё в этой комнате после стирки вешали сушиться бельё, оно замерзало, как на улице, но через несколько дней высыхало.

С дровами были сложности. Держать дрова в квартирах запрещалось, во дворе стояли общие сараи для дров, но дрова там долго не лежали – куда-то исчезали. У нас на кухне над плитой была глубокая ниша, не знаю для чего. Когда нам в очередной раз привезли дрова, решили их сложить в эту нишу. Завесили нишу занавеской. Через некоторое время прибежала комендант дома, ей кто-то сообщил, что в квартиру носили много дров. Она кричала, что дрова надо отнести в сарай. Бабушка ей сказала, что никаких дров в квартире нет. Комендант обежала всю квартиру, заглянула в кладовку, под кровати, но дров не нашла. За занавеску над плитой она заглянуть не догадалась.

Ванных комнат в квартирах нашего дома не было. Меня обычно мыли на кухне в корыте. Мама и бабушка раз в неделю ходили в баню. Чтобы купить билет в баню, следовало представить в кассе справку, что отработан час на пилке и колке дров во дворе бани. Иногда мама одна отработывала два часа, иногда они с бабушкой ходили туда вдвоём и брали меня – я крутилась рядом, играла со щепками. Как решался вопрос с мытьём папы и Рудика, я не помню.

Мне кажется, ещё до Нового Года в нашем доме была организована платная прогулочная группа для детей дошкольного возраста (5—7 лет). Меня в эту группу записали, и я ходила на прогулки до весны. Мы, около десяти детей, живущих в доме, собирались во дворе и в сопровождении руководительницы группы шли гулять на два часа. Недалеко от нашего дома (минут 10 ходьбы) располагался большой городской парк. Чаще всего мы ходили гулять в этот парк. Дорожки там были не чищены, но люди протоптали тропинки, по которым мы и ходили. До парка мы шли парами, в парке нам разрешалось побегать по снегу, поиграть. Там имелись мелкие строения, беседки, и мы часто играли в прятки. В середине парка стоял большой дворец пионеров – зимой 1942—43 года он не работал.

Мне это здание казалось сказочным дворцом. Может быть, это была перестроенная церковь или, действительно, бывший дореволюционный дворец. Во дворце за огромными окнами виднелись разные макеты кораблей, самолётов. Мне это так нравилось. Однажды, ещё зимой, на обратном пути я остановилась у окна дворца и засмотрелась на модели. Наша руководительница не заметила, что я отстала. Когда я спохватилась, группы было не видно. Я испугалась, так как не знала дорогу к дому, просто не обращала внимания на дорогу, когда шла в паре с кем-то из ребят. Очевидно, я побежала не в ту сторону, куда было надо, и вышла из парка через другие ворота – всё было незнакомым. Из моих глаз потекли слёзы, я заревела в голос. Ко мне подошла женщина, стала расспрашивать. В это время откуда-то появилась руководительница нашей группы, за ней бежали дети. Оказывается, они хватились меня, когда при выходе из парка стали вставать в пары. Все были рады, что я нашлась, и просили меня не рассказывать маме об этом приключении. Я пообещала и своё обещание выполнила.

Папа обычно обедал дома, он приезжал около 6-ти часов вечера, мыл руки, обнимал меня и маму, и мы все садились за стол. Это было святое. После обеда папа немного отдыхал, полчаса дремал в спальне, потом немного играл со мной, разговаривал с мамой, бабушкой, спрашивал, как дела в школе у Рудика, и опять уезжал на работу до ночи – по вечерам у них были какие-то селекторные совещания. Возвращался папа, когда я уже давно спала.

Мы вечером собирались в кухне, там всегда было тепло. Мама, иногда бабушка, читали вслух. Читали разные книги. Я плакала над «Хижиной дяди Тома», с удовольствием слушала детские книжки Чарской. Как-то мама прочитала нам статью из газеты о подвиге Зои Космодемьянской, что-то читали о лётчике Валерии Чкалове и много всего другого. После чтения

мы пили чай и меня отправляли спать. Рудик доделывал уроки, мама с бабушкой занимались хозяйственными делами.

За несколько дней до Нового Года включили паровое отопление. Стало сразу веселей. Мы в срочном порядке принялись по вечерам клеить ёлочные украшения из цветной бумаги: цепочки, гирлянды разноцветных флажков, хлопушки и т. д. За день до Нового Года привезли ёлку, мы нарядили её в большой комнате, теперь там было тепло. На ёлку мама повесила немного конфет, но до Нового Года трогать их не велела.

Накануне Нового Года мама и папа ушли в гости, а мы – бабушка, Рудик и я, как обычно попив чая, легли спать. Утром первого января 1943 года я проснулась и увидела на стуле у кровати подарки: игрушечный деревянный набор для стирки белья. В этом наборе была маленькая шайка (литра на 2—3), ведёрко (на 3—4 литра, кажется, из нержавеющей стали), деревянное корыто на подставке, щипцы для перекалывания горячего белья, каток для прокатывания белья вместо глажения – полный набор предметов для стирки в деревенской семье, где и утюга-то не было. Всё в миниатюре, в 2—3 раза меньше. Я потом с удовольствием играла в стирку, стирала кукольную одежду, какие-то тряпочки.

У кровати Рудика тоже был интересный подарок – в аккуратном, деревянном ящике набор маленьких столярных инструментов: разные рубанки, пилы, молоточки и прочие инструменты, которыми можно было по-настоящему пилить и строгать. Рудик тоже изредка что-то строгал и пилил. Наверное, папа заказывал это в столярной мастерской. На завтрак в этот день было что-то вкусное, после завтрака можно было сорвать конфетку с ёлочки.

К обеду ждали гостей, мама с бабушкой что-то готовили, а папа, я и Рудик пошли гулять. Гости (несколько пар с детьми) пришли с подарками, в основном это были предметы женского рукоделия: вышитое крестиком саше, красивая вышитая наволочка на маленькую подушку и т. д.

Жизнь семьи шла своим чередом. Я не помню, каких-либо ярких событий. Весной, когда немного подсохло, мне стали разрешать гулять во дворе дома одной. У меня появились подружки. Во дворе стояли высокие дровяные сараи. К сараям были приставлены длинные деревянные лестницы, чтобы можно было забраться на чердак. Любимым нашим развлечением были игры на этих лестницах: рассаживались на узеньких ступенях-перекладинах и начинали громко рассказывать страшные истории, страшные сказки, но чаще баловались, занимались физкультурой. Мы по очереди висели на лестнице на руках, пытались подтягиваться, висели вниз головой, зацепившись за ступень-перекладину, согнутыми в коленях ногами, и в таком состоянии пытались перебираться от ступени к ступени. Играли в фантики, в стёклышки, в подвижные игры с мячом.

Однажды, когда мы, как всегда, играли около сараев, подъехала грузовая машина, рабочие и водитель стали её разгружать, громко переговариваясь. Я обратила внимание, что они часто произносили какие-то незнакомые слова. Одно слово они произносили особенно часто. Это слово было коротким, звонким и начиналось на букву «б». Мне слово понравилось, я его запомнила.

Когда вся наша семья собралась за обедом, я, что-то рассказывая, громко произнесла новое слово. Рудик захихикал, мама и папа опешили. Мама вскочила и уже открыла, было, рот, чтобы что-то сказать (она, наверное, хотела меня отругать и, может быть, вытащить из-за стола и отшлёпать), но папа мягко остановил её и спросил меня, откуда у меня это слово, где я его слышала. Я рассказала. Папа погладил меня по голове и тихо объяснил, что это плохое слова, что его и другие подобные слова воспитанные люди не должны использовать в своей речи, ведь я никогда не слышала это слово дома, ну, и так далее... Я обещала папе, что больше никогда не буду повторять уличные слова. Все успокоились и продолжали обедать.

Конечно, потом я узнала значение и этого, и других подобных слов. К счастью, в той среде, в которой я жила, никто не пользовался ненормативной лексикой. Может быть, в те

времена это было не так распространено, как сейчас? Может быть, мне просто повезло. Но я действительно никогда в жизни не произносила подобных слов. Да и необходимости такой не было, в русском языке так много прекрасных приличных слов...

Первого мая мы все (кроме бабушки) отправились на праздничное торжественное собрание Управления стройки в городской дворец культуры. В большом зале почти все места были заняты. Мы – мама, Рудик и я – сидели впереди, папа сидел на сцене, в президиуме. Сначала руководство стройки говорило речи о Первомае, о военных победах на фронте и трудовых победах в тылу. И папа что-то говорил, у него это очень складно получалось, и он был такой красивый на трибуне... После торжественной части состоялся концерт городской самодеятельности. Пели военные песни, плясали, играли на разных музыкальных инструментах. Всё было красиво, но мне было скучно и хотелось побегать.

Когда концерт закончился, мы вышли на улицу. Ярко светило солнце. Взрослые остановились, о чём-то разговаривая. Я увидела машину, на которой мы приехали, и побежала к ней. Подёргала дверцу, она открылась. Я забралась на водительское место, покрутила руль и с интересом стала трогать и дёргать разные ручки. Одна ручка поддалась, и вдруг машина медленно поехала. Впереди был небольшой спуск и лестница к реке. Я растерялась и, говорят, закричала. Какой-то человек метнулся к машине, на ходу вскочил в неё, дёрнул какую-то ручку. Машина остановилась. Человек схватил меня в охапку, вынес из машины и поставил на ноги. Всё это произошло в считанные секунды.

Подбежали мама и папа. Мама что-то закричала, дёрнула меня за руку и довольно чувствительно шлёпнула по мягкому месту, успела только один раз – папа подхватил меня на руки и прижал к себе. Потом мне долго внушали, что маленьким девочкам нельзя садиться на место водителя в машине и, тем более, трогать какие-либо ручки и педали...

Лето в 1943 году стояло тёплым. Несколько раз в выходные дни мы ездили на природу, на реку Миасс, на целый день вместе с другими папиными сослуживцами и их семьями. Там было очень хорошо. Большой песчаный плёс, недалеко заводь и заросли тростника. Загорали, купались – у берега было мелко, а под ногами – мягкий, тёплый песочек. Мы, дети, много бегали по песку, плескались и брызгались в воде, потом валялись на тёплом песке. Мужчины ловили рыбу. На костре варили из свежей рыбы уху. Уха получалась очень вкусной. На обратном пути в машине я обычно спала, и папа нёс меня домой на руках.

По выходным мама иногда брала меня с собой, когда шла на рынок. Она покупала там зелень, морковь и т. д. Выбор был небольшой, всё стоило очень дорого.

Как-то раз мама увидела клубнику – крупные, яркие, ароматные ягоды. Мы подошли, мама приценилась. Цена оказалась заоблачной. Ягоды продавались не на вес, а поштучно. Мама купила мне пять ягодок, достала бутылочку с кипячёной водой, которую брала с собой на случай, если ребёнок захочет пить, ополоснула ягодки и стала давать мне по ягодке прямо в рот. Как же было вкусно! Я помню эти ягоды до сих пор.

Пороховой завод построили досрочно.

В мамином архиве есть вырезка из местной газеты, где приведён текст телеграммы о вынесении благодарности руководству стройки за подписью Сталина.

Папа получил новое назначение, и в конце лета мы распрощались с Челябинском – поехали в Боровск.

Боровск

Боровск в 1943 году представлял собой небольшой посёлок, расположенный в нескольких километрах от города Соликамска. В посёлке находилось большое строительное Управление, подведомственное Берии. Что там строили, я не помню, а, скорее всего, и не знала. То, что в Челябинске строили пороховой завод, я запомнила, благодаря газетной вырезке, о кото-

рой уже писала. Рабочими на стройке работали заключённые, руководили в основном военные (впрочем, как и в Челябинске). В посёлке были деревянные, типовые для того времени, двухэтажные дома, в каждом по восемь квартир – правда, с балконами на втором этаже, с канализацией, водопроводом и печным отоплением. Кругом – уральские леса и зоны за колючей проволокой с бараками. Кроме двухэтажных домов, были ещё и хорошенькие коттеджи на одну или две квартиры и административное здание строительного Управления, а также школа, небольшая поликлиника и симпатичный клуб, в котором проходили все торжественные мероприятия, большие совещания, показывали кино и работали различные кружки для детей и взрослых.

Приехали мы на новое место папиной работы в начале августа. Как мы переезжали, я не помню. Может быть, мы ехали на машине – там не очень далеко. Поселились мы в одном из двухэтажных домов, их было три или четыре, на втором этаже в трёхкомнатной квартире. Совсем рядом шумел сосновый лес, перед домами – небольшой песчаный пустырь. Метрах, наверное, в трёхстах, через лес проложена узкоколейная железная дорога с насыпью.

С нами приехала бабушка, и мама быстренько устроилась на работу. Рудик собирался в школу, уже в четвёртый класс. Мне не хватало почти двух месяцев до семи лет, но тоже очень хотелось в школу. В ближайших домах оказалось несколько девочек моего возраста. Я быстро с ними познакомилась. Мы были уже большие, и нам разрешалось гулять без взрослых, мы бегали по всему посёлку и даже по лесу, но только до железной дороги. Переходить эту дорогу нам категорически запрещали – там можно было заблудиться. Я как-то очень быстро освоилась в посёлке, знала, где клуб, где школа, поликлиника. И вот, первого сентября я самостоятельно после завтрака пришла в школу и заявила, что хочу учиться, и сказала, как меня зовут. Меня отвели в класс и посадили за парту третьей, попросив девочек потесниться. За некоторыми партами уже сидело по три человека. Мне дали тетрадь и заточенный карандаш. Я с удовольствием рисовала палочки и слушала сказку, которую читала учительница.

Когда закончились уроки, я пришла домой и гордо заявила, что поступила в школу. После обеда папа взял меня за руку и усадил рядом с собой на диван. Он сказал мне, что я большая девочка и должна понять: идёт война, много эвакуированных и школа переполнена, если меня возьмут в школу, то не смогут взять кого-то, кому уже исполнилось семь лет.

«Ты пойдёшь в школу через год, учишь дома читать и писать, а, чтобы тебе не было скучно, мы что-нибудь придумаем, и, пожалуйста, не плачь!» – сказал папа. Я, конечно, всплакнула, но пришлось подчиниться решению папы.

Меня и Рудика родители записали в танцевальный кружок, который функционировал при клубе. Рудика записали ещё в какой-то кружок. Танцами занимались два раза в неделю. Каждое занятие начиналось с балетного станка и специальной гимнастики, потом разучивали танцы и танцевальные постановки-миниатюры. Первое время болели все мышцы, потом стало легче. Эти занятия в течение года дали мне многое. Я научилась легко двигаться и всю последующую жизнь очень любила танцевать, и хорошо танцевала, занималась танцами и в школе и даже в институте. Мы разучивали разные танцы и выступали на клубной сцене в праздничных программах самодеятельности. По-моему, на Новый год я танцевала танец куклы. Меня хотели одеть в какой-то национальный костюм, но мне захотелось балетную пачку. Сшили пачку из марли, сильно накрахмалили, мама долго её отглаживала – получилось красиво. Рудик танцевал танец с саблями. И ещё мы оба участвовали в танцевальной инсценировке сказки «Три поросёнка и серый волк», Рудик был волком, а я – одним из трёх поросят.

Кроме танцев, я всю зиму занималась изучением французского языка. Нашли преподавательницу, организовали группу из нескольких девочек-ровесниц. Занимались часто у нас дома, иногда в других квартирах два или три раза в неделю. Мне очень нравилось. К началу лета мы все уже немного болтали по-французски. Очень жаль, что в следующую зиму заниматься французским не пришлось, не нашли преподавателя, а потом я всё, конечно, забыла. Нам с Руди-

ком сделали лыжи, которые одевались на валенки. Папа научил меня кататься на лыжах. Зима прошла незаметно.

На Первомайские праздники мама с папой ходили в гости. У хозяев квартиры перед праздником ночью ошенилась собака. Гости разглядывали щенков и выбирали, какого потом возьмут. Через месяц нам принесли крошечного, очаровательного, белого, пушистого щеночка. Это была девочка, и мы назвали её Динкой. Она была, как говорили, помесью шпица и северной лайки. Как уж получилась такая метиска – я не знаю. Динка была совершенно белой и очень пушистой, хвост баранкой, как веер, светло-бежевые очки вокруг глаз. Чернели только весёлые глаза и влажный нос. Просто красавица! Динка выросла в собаку среднего размера и прожила у нас восемь лет.

Весной 1944 года на пустыре перед домами устроили огороды. Завезли землю (там был один песок) разгородили плетнями маленькие участки для каждой семьи (по сотке, а может быть и меньше). Парников тогда и в помине не было. Завезли конский навоз и сделали всем по высокой грядке для огурцов. В навозе выкапывали глубокие лунки, в которые насыпали чернозём и сеяли огуречные семена. Грядки никогда ничем не накрывали. Лето выдалось жарким. По вечерам мы поливали свой маленький огородик. Воду носили из дома в вёдрах. Я с удовольствием участвовала в этой работе и бегала со своим маленьким ведёрком. В огороде выросла вкусная морковка, разная зелень, которую все с удовольствием ели, картошка и много великолепных огурцов. Огурцы росли до первых заморозков.

Я и мои подружки жили беззаботной детской жизнью. Целыми днями бегали босиком, даже в лес – везде был песок. Вечером чуть ли не со слезами приходилось мыть ноги и надевать сандалии с носочками – так не хотелось, но мама требовала. Игнали в фантики, собирали цветные стёклышки и осколки красивой довоенной чайной посуды. Любили играть в ножечки. На земле чертился большой круг и делился на равные секторы по числу участников. Потом по очереди бросали ножик, нарезали себе участки и так, пока победитель не получал весь круг.

Были и другие игры. За домами стояли дровяные сараи. Мы ещё зимой любили прыгать с крыш сараев в глубокий и мягкий снег, друг перед другом изощрались падать в снег плашмя, боком, сидя, оставляя на снегу забавные отпечатки своих тел. Летом мы возобновили прыжки, прыгали в песок. Песок оказался не такой мягкий, как снег. Откуда-то у нас появились большие листы плотной бумаги. Мы привязывали к углам этих листов верёвочки и называли это парашютами. Как никто из нас не изувечился, не знаю...

Где-то весной или в начале лета случился небольшой, но довольно неприятный инцидент. Я не знаю, как у руководства были прикреплены персональные машины. Утром за папой всегда приезжала легковая машина, наверное, эмка. Когда надо было куда-то поехать в другое время, звонили в гараж и вызывали или легковую машину, или пикап, (это такая легковая машина с кузовом, в котором были сиденья для пассажиров). Иногда ездили в Соликамск на рынок и по другим делам. Номер телефона гаража был простой. Как-то мне и моим подружкам захотелось покататься на машине. Почему-то именно мне пришлось звонить в гараж. Может, мои подружки были похитрей? Я позвонила, и машина приехала. Водитель несколько удивился, но разрешил нам забраться в машину и немного покатали. Вечером папа после обеда сказал мне, что у него ко мне серьёзный разговор. Мы ушли в другую комнату, и папа мне сказал, что я поступила очень некрасиво, и ему за меня стыдно. Машину вызывают только по делу, в обязанности водителя не входит катать избалованных детей. Ну, и что-то ещё в таком же духе, папа внушал мне минут пятнадцать. Мне стало стыдно, я расплакалась, попросила прощения и пообещала больше так «по-барски» не поступать. Маму в это дело папа, очевидно, не посвятил, мама могла и накричать, и отшлёпать.

Бабушка Фрося опять засобиралась в дорогу. Её младшая дочка Шура ждала третьего ребёнка. Проводили бабушку, я плакала, прощаясь с ней. На другой день к нам пришла высокая худенькая женщина, лет на десять постарше мамы, одетая в простенькое темно-синее пла-

тье. В руках она держала небольшой узелок с какими-то вещами. Это была наша домработница. Звали её Паня, я и Рудик стали звать её тётёй Паней. Тётя Паня была ещё заключённой, но до конца срока её оставалось около месяца. Мама тут же усадила тётю Паню пить чай, и они долго разговаривали. Потом мама показала ей, где она будет спать (на бабушкиной кровати), и та приступила к своим новым обязанностям.

Была тогда такая категория заключённых в СССР, которая называлась ЧСИР (член семьи изменника Родины). Это были жёны ошельмованных и замученных военачальников, инженеров, служащих и т. д. Среди них было много высокообразованных, интеллигентных женщин, были и искусные рукодельницы, талантливые художницы. В Боровске при лагере организовали цех ширпотреба с художественными мастерскими. Вольнонаёмные служащие могли заказать тамшить предметы одежды, обувь. Всё делалось очень хорошо. А какие носовые платочки они делали из кусочков шёлка с тончайшей вышивкой и чудесным кружевом, сплетенным на иголках! У меня до сих пор сохранились два таких платочка, это чудо.

Муж тётю Пани был красным директором большого Сормовского завода. В середине 30-ых его обвинили в измене и посадили, а заодно посадили и его жену-домохозяйку. Детей у них не было. Муж Тётю Пани сгинул в лагерях. Тётя Паня отсидела восемь или десять лет. Она была добрым человеком, хорошей хозяйкой и очень быстро стала членом нашей семьи.

Пару раз за лето мы всей семьёй, как и в Челябинске, ездили на природу в компании папиных сослуживцев на целый день. Ездили на Оку. Река была широкой, берег песчаный, погода хорошая. Все много купались, загорали, играли в разные игры и все вместе и отдельно, дети и взрослые. Ели свежесваренную на костре уху из только что выловленной рыбы. Взрослые, наверное, и выпивали, но я не помню никаких неприятных инцидентов – все знали меру, всем было весело и комфортно.

В это же лето папа уезжал надолго в командировку, кажется, в Казахстан. Чем ему там пришлось заниматься, я не знаю. Сейчас я думаю, что это было связано с принудительным переселением некоторых народов. Папа приехал очень усталый и какой-то грустный. В подарок он привёз мне огромное красное яблоко. К тому времени я уже забыла вкус яблок, и это яблоко я с великим наслаждением съела вместе с сердцевинкой и косточками.

В конце августа пошли грибы. Их было очень много. С подружками мы в ближайшем лесочке собирали сыроежки, находили и белые. Мама с папой в выходные пару раз ездили за грибами на пикапе с кем-то из местных, знающих леса. Привозили практически полный кузов грибов. Грибы варили, жарили, солили, мариновали и сушили, делая на зиму припасы. Нам потом это всё очень пригодилось.

Первого сентября 1944 года я пошла в школу. Мне сшили школьную форму: коричневое платье и два фартука – белый и чёрный. Мама сшила мне из остатков, наверное, довоенного шитья белый воротничок и манжеты. Первый раз в школу я надела белый фартук, и мама вплела в мои ещё короткие, но толстые косы белые ленты с большими бантами. В школе мне очень понравилось, и я начала с удовольствием учиться. Прочилась я в этой школе чуть больше месяца. Строительство закончилось и папу перевели на новую работу. Мы поехали в Абезь.

Абезь

октябрь 1944 – апрель 1945

Абезь – небольшой посёлок на берегу реки Усы, между городами Печора и Воркута, в трёх километрах южнее полярного круга, построенный на вечной мерзлоте. В конце войны в Абези находилось управление (и вся администрация) «Севпечорстроя», организации из ведомства Берии, большая часть «архипелага ГУЛАГА». Территория, подведомственная

«Севпечорстрою», была огромной – от берегов северных морей до города Киров (Вятка) – тайга, тундра и лагеря, лагеря, лагеря, в которых содержались заключённые, работавшие на северных стройках и в шахтах. Папу назначили начальником политотдела «Севпечорстроя».

В начале октября 1944 года мы отправились в путь, папа уехал чуть раньше. Нам выделили небольшой вагончик-теплушку, в котором была печка и нары вдоль одной стены. Рабочие погрузили в теплушку, все наши вещи, запас продуктов дней на десять, запас дров для печки, какие-то ёмкости с питьевой водой. Мама, Рудик, тётя Паня и я с Динкой по наклонной широкой лесенке забрались в теплушку. С нами ехал молодой, высокий и широкоплечий мужчина-проводник (думаю, он же охранник), не помню уже, как его звали. Лесенку убрали, кажется, она как-то крепилась к вагону. Задвинули двери, через какое-то время поезд тронулся и стал набирать скорость. В теплушке были небольшие окна. Как пространство теплушки освещалось в тёмное время суток – не помню. Ехали мы больше недели. Проводник топил печку, выносил на остановках Динку погулять, тётя Паня готовила еду.

От Соликамска до Абези не ходили прямые пассажирские поезда. На пересадочных станциях нашу теплушку отцепляли от одного состава и прицепляли к другому, часто к товарному. Иногда для ожидания нужного поезда, теплушку загоняли на несколько часов в тупик, и можно было выйти погулять. За всем этим внимательно следил наш проводник, у него был какой-то особый документ.

Мама много читала нам вслух книжки, часто играли все вместе в лото – и проводник, и тётя Паня, когда у неё было время. По несколько раз в день немного раздвигали двери теплушки, чтобы проветрить помещение. Мне нравилось, забравшись на нары, смотреть в окно. Сначала были леса в осеннем наряде, потом болотистое мелколесье с голыми кривыми деревьями, последние дня два – заснеженная тундра с чёрным кустарником, кое-где. Чем дальше мы ехали, тем чаще были видны из окна территории, огороженные прозрачными заборами (колючей проволокой) с вышками по углам и унылыми, серыми, низкими и длинными строениями внутри.

Однажды нас всех перепугала Динка. На какой-то короткой остановке, как обычно, проводник чуть-чуть погулял с собакой. Поезд тронулся, а двери не успели задвинуть, и Динка, решив ещё погулять, спрыгнула на землю и, весело лая, побежала. Мы все закричали. Поезд набирал скорость. Проводник быстро спрыгнул за озорницей, с трудом поймал её и, уже на приличном ходу, сунув собаку в вагон, сам в него запрыгнул. Мы были счастливы, что происшествие закончилось благополучно, очень благодарили Динкиного спасителя. Больше никаких приключений в пути не было.

В Абезь приехали вечером. Может быть, было и не очень поздно, но совсем темно. Нас встречал папа. Мы все по нему соскучились, и он без нас скучал. Папа обнял маму, Рудика, а меня, уже большую девочку, подхватил на руки и расцеловал в обе щеки и в нос. На чём мы ехали к дому, не помню.

Квартира была большая, три просторных комнаты, большие кухня и прихожая. Нас ждал накрытый к ужину стол в самой большой комнате. Не помню, что мы ели, но меня поразил мягкий, очень вкусный, абсолютно белый хлеб. Белого хлеба я не помнила. Хлеб всегда был чёрный или серый.

Одноэтажный трёхквартирный дом, в котором мы поселились, стоял на высоком берегу широкой поймы реки Усы. Каждая квартира имела отдельный вход. Перед входом в каждую квартиру были низкие (по две ступеньки) крылечки с навесами. В одной из квартир этого дома жил с семьёй заместитель начальника «Севпечорстроя» по хозяйственной части Артамонов Андрей Васильевич, его жена, Евгения Мироновна, дочь Неля (Нинель) и сын Морик (Мор). Андрей Васильевич – огромный мужчина (выше 190 см), выходец из Донских казаков (так говорили), политизированный и не очень образованный служака, был на несколько лет старше папы. Такие люди не редко встречаются среди кадровых военных. Он и детей своих назвал

не простыми именами, Нинель – это Ленин, если отбросить мягкий знак и прочесть слово с конца, Мор – это первые буква слов: Мировая Октябрьская Революция. Морика ребята порой дразнили, называя «мор зверей». Когда пришло время получать паспорт, в паспорте записали имя Морис. Морик учился в одном классе с Рудиком, Неля – на класс или два старше. Евгения Мироновна, некрупная симпатичная женщина, была ровесницей моей мамы. Она не работала, занималась семьёй, обихаживала мужа и баловала детей. В третьей квартире жил, мне кажется, главный инженер «Севпечорстроя», ни имени, ни фамилии его я не помню, но в этой семье была девочка моего возраста, и мы с ней дружили.

Посёлок Абезь узкой полосой протянулся вдоль реки Усы по высокому берегу её поймы. Почти все постройки в посёлке были полуземлянками с небольшими окнами практически на уровне земли. От входной двери надо было спуститься вниз на четыре, пять ступенек в небольшой тамбур, откуда уже открывалась дверь в отапливаемое помещение. (Отопление везде печное.) Полуземлянкой был и большой клуб со зрительным залом человек на двести, большим фойе и комнатами для кружковой работы. С покатой крыши клуба (очень высокой и прочной) зимой, когда снег заносил все окна во всех подобных постройкой, мы, дети, любили кататься на санках, а то и просто на попе.

Полуземлянками были и поликлиника и административное, очень длинное здание сложной конфигурации с поворотами на девяносто градусов, «Севпечорстроя», где находились все его отделы, в том числе и папин политотдел. Посредине тянулся длинный, довольно широкий коридор, естественно, без окон, всегда освещённый электрическими лампочками, а с обеих сторон – двери в кабинеты. То же самое и в поликлинике, только кабинетов в несколько раз меньше. Электрическое освещение в домах было, а вот все остальные удобства отсутствовали: ни водопровода, ни канализации, ни, тем более, парового отопления. Жилые дома – полуземлянки – на несколько квартир, каждая с отдельным входом.

Нормальных одноэтажных строений (на фундаменте) были всего пять: школа, баня, отдельный дом начальника «Севпечорстроя» Барабанова, дом, в котором жили мы, и совсем маленький домик на небольшом холме, в котором жила ещё одна моя подруга и одноклассница. Кажется, её мама была бухгалтером.

Не знаю, как был организован быт в других домах, но наш дом обслуживал дневальный (из заключённых, имеющих право свободного перемещения по посёлку в дневное время), приветливый, среднего роста мужчина лет сорока. Он в каждую квартиру каждое утро приносил из располагавшегося рядом большого сарая дрова для отопления квартир и кухонных плит. Мне кажется, дрова привозили уже напилённые, дневальный их колот и укладывал в сарай. Зимой дневальный чистил снег вокруг дома, в бесснежное время года следил за чистотой, подметал, убирал мусор.

На чердаке нашего дома, куда вела массивная приставная лестница, стоял достаточно большой, я думаю, утеплённый бак для воды. Воду привозили в специальной деревянной бочке, прикреплённой к телеге, на лошади. Возница и дневальный каким-то образом заливали воду в бак. В кухнях у нас висели раковины и краны, из которых текла холодная вода. Вода была всегда. Эту воду использовали для приготовления пищи, для умывания и т. д. В наших квартирах имелись выгребные туалеты – деревянное сиденье с дыркой, которая закрывалась крышечкой. Зимой снизу очень дуло. Выгребные ямы под мощными крышками были с задней стороны дома, для каждой квартиры – своя. В эти же ямы сливалась, очевидно, и вода из раковины. Летом ямы чистили.

Мыться раз в неделю ходили в небольшую, но удобную баню с тёплым предбанником, просторным помещением для мытья с широкими лавками и душевыми кабинками. Была и парная, правда, мы туда ни разу не ходили. В баню мы ходили втроём: мама, тётя Паня и я. Мылись обычно одни. Рудик ходил в баню с папой, там собиралась мужская компания – руководители

с сыновьями; они парились в парной, выбегали из бани и растирались снегом, а то и валялись в сугробах. Обычно это было вечером.

Руководство в Абези не имело персональных машин, там вообще не было машин – ездить некуда, кругом тундра и полное отсутствие дорог. Каждому руководителю полагалась персональная лошадь, которую кучер запрягал в лёгкую, открытую четырёхместную тележку или седлал, в зависимости от приказа. В плохую погоду нас с Рудиком возили в школу на тележке. Иногда по выходным дням папа с Рудиком катались верхом на лошадях. У каждого руководителя, которому по службе приходилось ездить по огромной территории «Севпечорстроя», были персональные маленькие вагоны с проводником и открытые дрезины для ближних поездов.

Через несколько дней после приезда в Абезь мама начала работать в поликлинике терапевтом, а я и Рудик пошли в школу – одноэтажное, но большое здание. Прямо от входа начинался длинный и очень широкий коридор с большим окном в конце. По обе стороны коридора – двери в классы, в учительскую и кабинет директора школы. Классы были просторные и светлые, с большими окнами. В каждом классе учились примерно по тридцать учеников. Деревянные чёрные двухместные парты стояли в три ряда. Школа работала в две смены, первая смена начинала занятия в восемь утра, вторая – в два часа дня. В первую смену занимались младшие классы и, кажется, десятый класс, остальные учились во вторую смену. С первого по седьмой класс включительно было по два класса – «А» и «Б», с восьмого по десятый, мне кажется, – по одному.

При школе в отдельном здании имелся интернат, там жили дети оленеводов и, наверное, дети из удалённых маленьких посёлков, где не было школ. В каких условиях в интернате жили дети, и как был организован их быт, я не знаю, я ни разу туда не ходила и в свои семь-девять лет этим не интересовалась. После окончания семилетки большинство детей покидали интернат, кое-кто ехал поступать в техникум, а остальные возвращались домой и начинали работать.

Во время перемен между уроками в просторном коридоре организовывались подвижные игры. Мы весело играли в «Ручеёк», «А мы просо сеяли...», «Каравай», устраивали хороводы и т. д. Очевидно, десятиклассники в детских играх не принимали участия. В этом же коридоре проводились и уроки физкультуры. У младших классов было всегда по четыре урока.

После окончания уроков мы, дети младших классов, частенько на полчаса отпрашивались на песчаный карьер, который находился недалеко от школы. Карьер представлял собой большой глубокий котлован, местами с почти отвесными краями, местами с крутыми (более 45 градусов) склонами. Мы складывали в кучу свои портфели, сумки и развлекались. Когда лежал снег, а он лежал с октября по апрель включительно, мы съезжали по крутым склонам по снегу прямо на попе, или скатывались, как брёвна, вращаясь вокруг своей оси. Извалявшись в абсолютно чистом и сухом снегу, мы тщательно отряхивали друг друга, брали портфели и шли по домам. В мае, когда снег уже растаял и песок высох, мы любили просто с разбега прыгать с почти отвесных откосов, там, где они не очень высокие, в рыхлый песок, при этом иной раз набивали синяки и шишки, но никто, слава Богу, ничего не сломал и не вывихнул.

Училась я без проблем. Уже после Нового Года мама перестала сидеть со мной, когда я делала уроки. Я приходила из школы, ела (это у нас называлось полдником) и шла гулять на час – полтора. Если я гуляла с подружками, мы во что-нибудь играли или просто ходили и разговаривали. Если я гуляла одна, я могла прогуляться до маминой поликлиники и зайти к ней или заглянуть на работу к папе, они мне это разрешали. И мамина медсестра, и папина секретарь хорошо ко мне относились. Обычно на всех прогулках меня сопровождала Динка. После прогулки я садилась делать уроки. Мама после работы проверяла мои тетради, заученные стихи, которые нам задавали, и минут двадцать-тридцать слушала моё чтение вслух.

Ещё осенью, кроме собаки Динки, у нас появились два котёнка и два пушистых кролика. Вначале они хорошо росли, весело бегали по квартире. Динка их приняла, они играли с ней, лазили по ней, спали, прижавшись к её тёплым пушистым бокам. Но зимой, когда нача-

лись сильные морозы, коты и кролики начали болеть. Мама их лечила, но в январе-феврале они все один за другим умерли. Было очень их жалко, я плакала. Мама последнего из них взяла на работу и сделала вскрытие, оказалось обширное воспаление лёгких. Пол в квартире был очень холодный. Динка к весне выросла во взрослую собаку среднего размера, высотой от земли до холки сантиметров 55—60, длиной от хвоста до холки – 60—65. У неё была очень густая, длинная, пушистая, абсолютно белая шерсть, только светло-бежевые круги вокруг очень чёрных глаз, и, разумеется, чёрный нос – очень красивая и умная собака, но гордая и свободолюбивая. Мы так и не сумели приучить её к ошейнику и поводку, да и особой необходимости тогда в этом не было.

После Нового Года в клубе появилась преподавательница музыки (фортепьяно), которая стала заниматься с детьми. Я ходила учиться играть на пианино по два раза в неделю, мне это очень нравилось, и у меня что-то получалось. К сожалению, иметь инструмент дома было тогда нереально.

Обедали мы обычно в шесть часов вечера. Приходил с работы папа. Тётя Паня накрывала на стол в большой комнате, которую мы называли столовой. Я ей охотно помогала раскладывать ложки, вилки, ножи. Всей семьёй садились за стол. Во время еды немного разговаривали, папа расспрашивал меня и Рудика о делах в школе и т. д. После обеда папа уходил в спальню немного поспать, мы часто играли в лото, или, устроившись втроём на диване, мама и Рудик по очереди читали вслух интересную книжку, или слушали какую-либо передачу по радио. У нас был большой радиоприёмник. У приёмника, когда его включали, светились шкалы и небольшое зелёное окошечко (примерно 2x4 см). Я смотрела на это окошечко и думала: вот было бы хорошо, если бы в этом окошечке было видно лицо говорившего человека... О телевидении тогда никто из нас не имел и представления. Отдохнувший папа присоединялся к нам. В восемь вечера пили чай всей семьёй, ели бутерброды с маслом или с половинкой котлеты из оленьего мяса, американские твёрдые и безвкусные галеты, по паре долек американского шоколада, иногда были простенькие карамельки.

После чая папа одевался и возвращался на работу. По вечерам была селекторная связь с Москвой, общеотраслевые селекторные совещания и местные, которые часто затягивались далеко за полночь. Такой стиль управления существовал тогда почти повсеместно и диктовался высшим Московским руководством.

Надо сказать, что в посёлке голодными люди не были. Регулярно через северный морской путь поступала американская помощь: шоколад, мука, какие-то крупы, клюквенный экстракт, очень густой и кислый, яичный порошок, стужённое молоко, какао, сушёные овощи (картошка, морковь, лук, капуста). Всё это выдавали всем в виде спецпайков. Свежих овощей в Абези я не помню. Было в американских посылках и что-то ещё, например, я помню разноцветные цигейковые одеяла. Из цигейковых одеял в местной швейной мастерской шили шубы и полушубки. Папа носил серый полушубок, мама – рыжий. Мне сшили белую длинную шубу и шапку, которые служили мне потом несколько лет и в Поварове. Рудика, как и другим большим мальчикам, сшили длинный полушубок на темно-сером меху, покрытый сверху чёрным сукном. Из клюквенного экстракта делали морс и варили кисель. Макарон не было, тётя Паня делала домашнюю лапшу из муки с яичным порошком. Мороженое оленьё мясо было всегда (другого мяса не было). Мне оно казалось очень вкусным. Особенно я любила сырой фарш для пельменей с размоченным и измельченным сушёным луком, перчиком и солью. Пельмени лепили часто и по многу. Их замораживали на улице, складывали в тканевые мешочки и в авоськах подвешивали за форточкой. Холодильников тогда вообще не было. Пельмени лепила тётя Паня иногда с мамой, чаще одна. Я любила принимать участие в этом интересном деле, быстро научилась лепить пельмени, они у меня получались ровненькие и красивые. Раскладывая начинку, я, пользуясь случаем, частенько ложку с фаршем засовывала себе

в рот. Тётя Паня ворчала, боялась, что мне это повредит, но мне сырое мясо, очевидно, шло на пользу.

По выходным мы ходили в клуб смотреть кино, папа с мамой – вечером, а мы с Рудиком днём. Частенько я ходила и одна, тогда я брала с собой Динку. Места на первом и втором рядах были распределены и закреплены за руководством. Можно было сидеть и в ложах. Динка в клубе вела себя хорошо. Она запрыгивала на соседнее кресло и молча, внимательно смотрела кино. Иногда она поворачивала ко мне голову, чтобы лизнуть мою щеку. Динка любила ходить со мной и на занятия музыкой. Она тихо сидела около пианино и слушала, повиливая хвостом, если я к ней оборачивалась. Не любила Динка только скрипача. Если в соседней комнате играл скрипач, она начинала подвывать. Если скрипач проходил мимо – рояль стоял в фойе – Динка лаяла и пыталась цапнуть его за пятку. И откуда она знала, что именно этот человек играл на скрипке?

Зима 1944—45 года, впрочем, как и следующая, была морозной. Морозы, порой случались и пятидесятиградусные. Когда столбик термометра опускался ниже сорока градусов, у младших классов отменялись уроки в школе. Но, если при этом не было сильного ветра, гулять около дома нам (детям) всё равно разрешали. Средние классы освобождались от занятий после сорока пяти. Старшеклассники учились в любую погоду. Иногда на несколько дней приходила пурга. Шёл густой снег и дул сильный ледяной ветер. Видимость была на три-четыре метра – не больше. На дороге натягивали канаты, чтобы люди могли передвигаться, не падая и не сбиваясь с пути, и не замерзали, заблудившись в тундре. Однажды мама, возвращаясь с работы, проигнорировала эти канаты и сбилась с пути. Она испугалась, растерялась, не знала куда идти. Ветер выл и менял направление. Она пошла наугад и, о счастье, упёрлась в стену нашего дровяного сарая. Пройдя вдоль сарая по глубокому снегу, нашла его вход и оттуда уж с трудом дошла до крыльца в квартиру.

В клубе в праздники проводились торжественные собрания, после которых все с удовольствием смотрели концерт самодеятельности – детской и взрослой, как и в Боровске. В Новогоднюю ночь у нас были гости, но меня уложили спать. Накануне к нам пришёл кондитер (наверное, из заключённых), и они с тётей Паней целый день готовили. Какое вкусное и красивое печенье они испекли и даже сделали конфеты – шоколадные (из какао) и клюквенную помадку! 1-го января в фойе клуба днём была ёлка для детей, с подарками, с Дедом морозом и Снегурочкой, вечером для взрослых показали большой концерт, устроили танцы в фойе.

Вскоре после нашего приезда в Абезь, мужа маминой сестры Шуры перевели на работу с Дальнего Востока в Хальмер-Ю. Их путь лежал через Абезь, и они на пару дней остановились у нас немного передохнуть. Их было только четверо – дядя Лаврентий, тётя Шура и два их сына – старший Валера и младший Боря, которому было тогда около года. Их дочку Галю бабушка увезла в Москву. Галя переболела тяжёлым гнойным плевритом, перенесла операцию, и родители просто боялись везти её на Дальний Север, северней Воркуты. Папа частенько ездил в командировки по территории «Севпечорстроя», когда он бывал в Хальмер-Ю, он всегда останавливался у родственников.

Не помню, в первую или вторую зиму нашей жизни в Абези, в зимние каникулы папа взял с собой в такую командировку и Рудика. Рудик вернулся очень довольный поездкой и долго с восторгом мне рассказывал, как они ехали в персональном вагоне, как гостили у тёти Шуры. А каким вкусным завтраком их кормила тётя Шура – квашений капустой с варёной настоящей картошкой и постным маслом. Как туда попали эти деликатесы? Я не знаю. В Абези свежей картошечки и квашеной капусты мы не ели. Ну, масло подсолнечное и даже сливочное у нас обычно было. Мама приносила с работы аскорбинку и заставляла всех её принимать. У папы одно время кровоточили дёсны – работал он на износ. Мама принесла американские дрожжи – таблетки в коричневой банке. Тётя Паня разводила сухое молоко горячей водой, в стакан опу-

калось несколько этих таблеток и быстро всё размешивалось. Папа это пил, кажется, перед обедом. Меня тоже пытались этим поить, но я не стала – очень противно.

Мне сшили в швейной мастерской новое красивое светло-синее демисезонное пальто. На майский праздник так хотелось его надеть, но мама не разрешила, ещё лежал снег, и была минусовая температура.

Маму послали в Москву на учёбу в институт повышения квалификации врачей на три месяца. Занятия, очевидно, начинались во второй половине мая. В школе мне выставили годовые оценки и выдали табель за первый класс. В табеле было больше четвёрок, чем пятёрок. Мама была мной недовольна.

Утром восьмого мая 1945 года папа посадил меня и маму в поезд, и мы поехали в Москву на три месяца.

День Победы! Москва

Пассажирский поезд от Абези до Москвы шёл неделю. В поезде были только плацкартные и общие вагоны. Мы ехали в плацкартном вагоне, занимая нижнюю и верхнюю полки (конечно, не боковые) в середине вагона. Соседями были, кажется, два мужчины. Мы ехали, я смотрела в окно на ещё заснеженную тундру. Пообедали, поужинали, мама почитала мне вслух, постелила постель на нижней полке и велела спать, сама она забралась на верхнюю полку и устроилась с книжкой. Соседи тоже улеглись на свои полки и верхний свет выключили.

Я быстро уснула под стук колес, но проснулась среди ночи от того, что меня кто-то прижал к стенке. Я открыла глаза. Горел яркий свет, и было очень шумно. Мама сидела на моей полке, прижав меня к стене, кто-то ещё сидел на моей полке в ногах, на противоположной полке сидели три или четыре человека и все громко и весело разговаривали и чокались стаканами, на столе было много еды. Я возмутилась: «С чего это вы среди ночи едите, спать не даёте!» Мама мне радостно ответила: «Победа, доченька, победа, война закончилась! А ты повернись к стеночке, закрой уши одеялом и поспи ещё».

Утром приехали в Печору. В вагон зашёл военный и подошёл к маме. Он представился и сказал, что руководство Печорского отделения приглашает нас на празднование Дня Победы, и что у мамы будет возможность поговорить с мужем по телефону. Мама быстро собрала вещи (их было немного), военный взял наши чемоданы и пошёл к выходу из вагона, мы за ним.

В кабинете начальника мама поговорила по телефону с папой. Она плакала, наверное, от радости. Закончив разговор по телефону, мама поцеловала меня в щёку и сказала, что папа велел ей это сделать. Нас напоили чаем с бутербродами, и мы на машине поехали на митинг. Митинг проходил на большой площади, день выдался солнечный, довольно тёплый, гораздо теплей, чем в Абези, когда мы оттуда выезжали. Было шумно, много выступлений с трибуны, люди плакали, смеялись и обнимали друг друга. Потом мы пошли на банкет. В большом помещении был накрыт очень длинный стол. За столом сидели, наверное, часа два или дольше – речи, тосты (за Сталина, за Родину, за Победу...). Чем всех угощали, я не помню, но помню, что было вкусно.

Ближе к вечеру, нас на машине отвезли на вокзал и посадили в поезд. Мы поехали дальше. Постепенно менялся вид из окна. Снега скоро не стало, появились островки зелени. Москва встретила нас почти летним теплом.

Остановились мы у бабушки Фроси на Большой Якиманке (дом 50). Это массивный кирпичный пятиэтажный дом, который представлял собой прямоугольник с двором-колодезем. Во двор входили с улицы через широкую арку, вход в подъезды был со двора. На заасфальтированном дворе не росло ни единой травинки. Сейчас этого дома уже давно нет.

Бабушка жила в небольшой комнате (10—12 кв. м) в большой коммунальной квартире на четвёртом, мне кажется, этаже. Квартира состояла из шести комнат с двумя большими хол-

лами, ванной комнаты, туалета и большой кухни. В кухне было две газовые плиты (конфорки были строго распределены между жильцами) и много небольших кухонных столов с дверцами (у каждой семьи свой стол), раковина с краном, из которого текла только холодная вода. В ванной комнате стоял титан, который топили дровами. В кухне была дверь на чёрную лестницу, узкую и мрачную, в отличие от парадной лестницы, светлой и широкой, с гладкими перилами. Мне очень нравилось, когда не видит мама, спускаться вниз верхом по этим перилам.

У бабушки в это время жила внучка Галя, дочка тёти Шуры. Гале ещё не было и пяти лет (в сентябре исполнилось). В комнате стояла кровать, чёрный диван, обеденный стол, небольшой шкаф для одежды, массивный дубовый буфет и несколько венских стульев. Мы с мамой спали вдвоём на кровати, бабушка с Галей на диване. Я не помню, чтобы это казалось тесным или неудобным.

В Москве было ещё голодно, продукты отпускались по карточкам. Галя по-детски вначале испугалась нашего появления и спросила у бабушки: «Бабушка, а они не съедят наше суфле?» Это что-то жидкое и сладкое, что вместо молока выдавали на детскую продуктовую карточку. Бабушка её успокоила. Мама привезла с собой какие-то продукты, для отоваривания наших карточек её прикрепили к спецмагазину, кое-что мама подкупала в коммерческом магазине, так что питались мы все нормально. И мороженое мне и Гале мама часто покупала.

Окно бабушкиной комнаты выходило во двор церкви Ивана Воина. Церковь была действующей, огороженной со всех сторон кирпичным забором, в котором, впрочем, кое-где были проломы. Церковный двор представлял собой большую зелёную лужайку с дорожкой от ворот к церковному входу. В углу двора стоял маленький одноэтажный деревянный домик, в котором жил священник с семьёй. К этому домику примыкал свой крошечный дворик с калитками и в церковный двор, и на улицу Якиманку.

Если из квартиры, где жила бабушка, спуститься по чёрной лестнице, пройти несколько метров мимо помойки в пролом церковного забора, то сразу попадаешь в церковный двор, не выходя на улицу. Мы с Галей часто пользовались чёрной лестницей, когда шли гулять на церковный двор, а ходили мы туда практически каждый день.

В конце июня в Москве был Парад Победы. День был не солнечный. Мы – мама, Галя и я – отправились по Большой Якиманке пешком в сторону центра и остановились на мосту через Москву реку, недалеко от кинотеатра «Ударник». Там собралось довольно много людей. Мы стояли у самых перил, и нам было хорошо видно, как двигалась вдоль набережной военная техника, только что прошедшая по Красной Площади. Все громко кричали «Ура!», и мы тоже. Вечером гремел и сверкал праздничный салют. Мы смотрели салют из окна бабушкиной комнаты, было всё очень хорошо видно, зрелище – потрясающее. Это был первый в моей жизни праздничный салют, который я видела.

Мама каждое утро, кроме воскресенья, уезжала в институт повышения квалификации. Возвращалась она часиков в шесть вечера, если не заезжала в магазин за продуктами. Бабушка убиралась в комнате, готовила обед и ужин, а мы с Галей отправлялись гулять на церковный двор. Нам строго настрого было запрещено ходить куда-то ещё. Но дети есть дети. Кроме нас, на церковном дворе гуляли и другие дети, в основном девочки. Мы вместе играли в куклы, в мячик, в классики. Были и какие-то другие игры. Я подружилась с девочкой Киной, дочкой священника, моей ровесницей, она тоже перешла во второй класс и жила в том самом маленьком домике, который стоял в углу церковного двора. Кира много раз уговаривала меня зайти в церковь. Один раз я согласилась. В церкви было красиво. Но, когда Кира подошла к иконе и приложилась к ней губами, предложив то же самое сделать мне, я чего-то испугалась и убежала. Больше Кира меня в церковь не звала, но мы с ней продолжали дружить, она была доброй, спокойной девочкой. Иногда мы нарушали запреты взрослых и через один из проломов в церковном заборе выходили на территорию других дворов. Там, внутри квартала, стояли большие и маленькие дома. Вместо некоторых домов ещё оставались руины-развалины – следы бомбё-

жек 41—42 годов. Нам нравилось лазить по этим развалинам, мы не думали, что это опасно во многих отношениях. Слава Богу, ни с кем ничего плохого не случилось.

Часто по вечерам в будние дни мы с мамой и Галей ходили в Парк культуры (имени Горького). Это было минут 10—15 ходьбы от дома. Мама покупала нам мороженое, мы гуляли по аллеям, любовались цветами, катались на каруселях, любили заходить в комнату смеха, где были разные кривые зеркала. Почти каждое воскресенье мы куда-нибудь ездили: в зоопарк, в ботанический сад, в Измайловский парк, в Сокольники, на Воробьёвы горы, катались несколько раз на речном трамвайчике. Иногда и бабушка соглашалась с нами поехать, по крайней мере, я помню, что в зоопарке и на Воробьёвых горах она с нами была. Всё было очень интересно. Мне очень понравились разные животные в зоопарке, я была потрясена видом тропических растений в оранжереях ботанического сада и т. д.

Время маминой учёбы прошло быстро. Мама успешно сдала экзамены, и во второй половине августа мы с мамой вернулись в Абезь.

Абезь-2

август 1945 – июнь 1946

Папа нас встретил, он зашёл в вагон, как только остановился поезд, обнял нас обеих и сказал, что очень без нас скучал. Откровенно говоря, и мы с мамой очень соскучились. Поехали мы не в свою квартиру, а в папин служебный вагон, который стоял в тупике. Дело в том, что в нашей квартире делали ремонт, который ещё не закончился, и папа с Рудиком и тётёй Паней жили в этом вагоне. Нас встретила Динка громким радостным лаем. Пока мы были в Москве, Динка родила своих первых щенков, они успели подрасти, и их уже раздали. Папа сфотографировал Динку с детьми для меня на память. Это фото до сих пор лежит в одном из моих альбомов.

Вагон был небольшой.

Из тамбура дверь вела в обычный вагонный коридор, но не такой длинный, как в больших вагонах. Из коридора было четыре двери, три слева (туалет с умывальником, кухня со спальным местом для проводницы, двухместная спальня), а одна в конце коридора вела в большой салон, с большим круглым столом и кожаными, довольно широкими, диванами вдоль всех стен вагона.

Когда папа ездил в командировки, в этом салоне он проводил совещания, а когда мы там жили, в салоне мама стелила постели мне и Рудик, а также мы все там завтракали, обедали и ужинали.

В спальне спали папа с мамой, а тётя Паня занимала место проводницы.

Вагон стоял в тупике, в нескольких метрах от него начиналась болотистая тундра. Погода стояла хорошая, солнечная и теплая, наверное, градусов 15 в тени – я гуляла в шерстяной кофточке, без пальто. Тундра представляла собой кочковатую равнину, покрытую невысокой густой травой с редкими кустиками и карликовыми берёзками. Было сухо, но встречались разного размера ямы, в которых примерно на глубине полуметра чернела вода. Утонуть в этих ямках было нельзя, так как слой оттаявшей за лето земли был не более одного метра, а глубже – вечная мерзлота. Однако упасть туда было очень опасно, потому что вылезти без посторонней помощи сложно, особенно ребёнку, и вода там ледяная. Я, как-то раз, умудрилась дотянуться рукой до этой воды. Мы с Динкой гуляли по тундре, не отходя, конечно, далеко от вагона. На кочках попадались ягоды, жёлтая морошка и какие-то, такого же вида чёрные, как ежевика, ягода. Ягоды были приятные на вкус, кисло-сладкие. Я их ела и Динка тоже.

Примерно через неделю после нашего возвращения из Москвы мы перебрались в отремонтированную квартиру. В квартире ещё слегка пахло краской, было как-то по-особенному

чисто и светло. Вскоре начался новый учебный год, возобновились мои занятия музыкой. Почему-то в школе меня перевели в другой, параллельный класс, где преподавала другая учительница, которая была с учениками более ласковой, чем прошлогодняя.

Жизнь шла своим чередом. Мама с папой работали, мы с Рудиком учились. По воскресеньям все собирались вместе. Папа с Рудиком, когда был не очень сильный мороз, катались на лыжах. Иногда все вместе гуляли. Иногда ходили в гости или принимали гостей. У меня были подружки, у Рудика – друзья. Отпраздновали 7-ое ноября, потом Новый 1946 год – первый мирный год после войны. Перед Новым Годом опять наделали игрушек, 30 декабря нарядили красивую ёлку, которую нам (наверное, не только нам) откуда-то привезли. 31-го декабря 1945 года я, как всегда, в привычное время легла спать, кажется, Рудик тоже. Мама с папой ушли встречать Новый Год. Утром 1-го января уже 1946 года мы с Рудиком обнаружили под ёлкой подарки. Обедали все вместе, обед был праздничный. После обеда всей семьёй отправились в клуб. В красиво украшенном фойе стояла большая нарядная ёлка. Взрослые ушли в зал, там было торжественное собрание, а в фойе появились Дед Мороз и Снегурочка, и начался детский праздник. Потом все смотрели большой праздничный концерт. Не помню, на каком праздничном концерте (7-го ноября или новогоднем), я впервые услышала новую песню о Москве, которая начиналась словами: «Я по свету немало хаживал. Жил в землянке...». Концерты, как я писала уже, были обычно самодеятельные. Песню пела старшеклассница, лет 16-ти. У неё был хороший голос, и пела она, как настоящая артистка. Мне так понравилась эта песня. Я запомнила это ощущение на всю жизнь.

В те очень непростые времена многие люди безвинно пострадали, были арестованы, сидели в лагерях. В лагерях «Севпечорстроя» отбывали срок и артисты, в том числе и артисты Московского театра оперетты. Слава Богу, их не заставляли пилить лес или работать в шахтах. Была создана труппа (наверное, не одна), которая гастролировала по территории «архипелага Гулаг». Играли артисты хорошо. Зимой 1945—46 годов оперетту давали в Абези, в клубе, наверное, больше месяца. Мама с Рудиком ходили на все спектакли. Иногда, и папа мог себе позволить присоединиться к ним. Меня не брали, говорили – мала ещё. Мама потом рассказывала, что посмотрела тогда практически весь репертуар Московского театра оперетты.

Мама любила Рудика, как родного сына. Я это точно знаю. До 8-ми лет Рудик не знал другой мамы и был уверен, что и папа, и мама у него родные. Скорее всего, он даже и не думал об этом, и в семье было всё хорошо. Так и было бы всё хорошо, если бы тётя Валя перед войной не рассказала из вредности 8-ми летнему ребёнку, что его родила другая женщина. Это открытие стало для Рудика трагедией. Я не помню подробностей, так как была слишком мала, и меня, конечно, ни во что не посвящали.

Я любила (и сейчас люблю) своего старшего брата. Рудик рос довольно озорным мальчиком, и бывало изредка папа его наказывал (даже и ремнём). Меня папа никогда и пальцем не тронул – младшая, достаточно благополучная и управляемая девочка (хотя и не идеальная). Мама, наоборот, никогда не тронула пальцем Рудика, а вот меня шлёпнуть по заднице она считала нормальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.